

Дейна Роув

ЦЮРИХСКОЕ ОЗЕРО

Дейна Роув

Цюрихское озеро

«Автор»

2026

Роув Д.

Цюрихское озеро / Д. Роув — «Автор», 2026

Детектив Сьюзен Буркхардт из кантональной полиции Цюриха получает дело об исчезновении девушки. Заявление подаёт её дядя — Ханс Келлер, успешный банкир, уважаемый человек. Он спокоен, вежлив и сразу подсказывает версию: наркотики, плохая компания, побег. Но Сьюзен чувствует: что-то не так. Ханс слишком контролирует ситуацию. Слишком быстро направляет следствие в нужную ему сторону. Когда тело Мии Келлер находят в леднике, версия дяди начинает рассыпаться. Сьюзен погружается в прошлое семьи и находит связь с давней аварией, в которой погибли родители девушки. Чем глубже она копает, тем сильнее давление сверху. У неё отбирают дело. Её коллегу убивают. Ханс Келлер оказывается не тем, кем кажется. Теперь Сьюзен одна против системы. Без значка, без оружия, вне закона. И чтобы узнать правду, ей придётся рискнуть всем.

© Роув Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пропажа в Цюрихе	5
Глава 2. Дом с видом на озеро	10
Глава 3. Тело на льду	14
Глава 4. Первый разговор с Лукасом	20
Глава 5. Старое дело	26
Глава 6. Встреча с прошлым	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дейна Роув

Цюрихское озеро

Глава 1. Пропажа в Цюрихе

В начале сентября Цюрих приобретал ту особенную ясность красок, которая бывает только несколько недель в году. Летний зной уже отступал, однако деревья ещё сохраняли густую зелень, а вода в озере оставалась такой же синей, как в июле. По утрам город просыпался медленно. С набережных доносился шум первых трамваев, возле кофеен собирались постоянные посетители, а над озером ещё долго висел лёгкий туман, постепенно растворявшийся под лучами солнца. Из окна своего кабинета Сьюзен Брукхардт могла видеть часть этой картины. Она любила приходить на работу раньше остальных. Не потому, что отличалась чрезмерным усердием, как полагали некоторые коллеги, а потому, что тишина помогала ей думать. Когда коридоры ещё пустовали, а телефоны не звонили каждые несколько минут, казалось, будто весь отдел принадлежит ей одной. На её столе лежал раскрытый ежедневник.

Каждый новый день Сьюзен начинала одинаково: проверяла расписание, просматривала записи, отмечала уже выполненные задачи. Для постороннего человека подобная привычка могла показаться чрезмерной, однако сама она давно заметила, что порядок позволяет сохранять ясность мыслей. В профессии, где одна забытая деталь способна изменить судьбу человека, это качество

было полезнее многих талантов.

Утро обещало быть спокойным.

Накануне она завершила расследование дела о финансовом мошенничестве и теперь рассчитывала посвятить несколько часов отчётам, которые давно ждали своей очереди. Работа была скучной, но необходимой. Сьюзен как раз просматривала последнюю страницу материалов, когда в дверь кабинета постучали.

Появление секретаря само по себе не представляло ничего необычного, однако выражение её лица заставило Сьюзен поднять голову.

— Простите, Брукхардт. К вам посетитель.

— Кто именно?

— Господин Ханс Келлер.

Имя прозвучало неожиданно. В Швейцарии трудно было встретить человека, никогда не слышавшего о Келлерах. Газеты охотно писали о деятельности их фонда, журналисты брали интервью, университеты получали гранты. Даже Сьюзен, не испытывавшая особого интереса к деловым новостям, не раз видела фотографии Ханса Келлера на страницах газет.

Она закрыла папку.

— Что ему нужно?

— Он хочет заявить об исчезновении родственницы.

Несколько секунд Сьюзен молчала.

Само по себе исчезновение человека не являлось чем-то необычным. Каждую неделю в полицию поступали подобные заявления. Однако редко случалось, чтобы один из самых известных предпринимателей страны приходил лично.

— Попросите его войти.

Когда дверь открылась вновь, Сьюзен невольно подумала, что газетные фотографии плохо передают внешность человека.

Ханс Келлер оказался выше, чем она представляла. Его движения были неторопливы и точны. Он производил впечатление человека, привыкшего к вниманию окружающих и давно переставшего его замечать. Всё в его облике казалось продуманным: костюм, осанка, манера держаться.

Но больше всего запоминалось лицо. Не красота, хотя многие обсуждали его личную жизнь так и ничего не узнав. Больше всего запоминалось выражение лица. Такое выражение иногда встречается у людей, которые слишком долго привыкали скрывать свои мысли.

Поприветствовав Сьюзен, он сел напротив её стола и сообщил о причине визита. Его племянница, двадцатидвухлетняя Мия Келлер, исчезла три дня назад. Девушка не вернулась домой, перестала отвечать на звонки, а её друзья, насколько удалось выяснить, не знали, где она находится.

Сьюзен внимательно слушала, делая пометки.

За годы работы она успела усвоить простую истину: иногда важнее не то, что говорит человек, а то, как именно он это говорит.

Большинство родственников пропавших людей приходили в полицию с надеждой. Даже когда обстоятельства выглядели тревожно, они старались убедить себя и окружающих, что всё ещё можно исправить. В их словах слышалось беспокойство, иногда отчаяние.

Господин Келлер рассказывал о случившемся иначе.

Он не выглядел безразличным. Но и тревоги в нём почти не ощущалось. Словно он уже смирился с любым возможным исходом. Постепенно разговор коснулся самой Мии. По словам дяди, девушка училась в университете и до недавнего времени не доставляла серьёзных хлопот. Последний год, однако, изменил её. Она стала скрытнее, чаще проводила время вне дома, завела новых друзей, о которых почти ничего не рассказывала. Ханс объяснял эти перемены возрастом и стремлением к независимости, но чувствовалось, что они ему не нравились. Особо подробно он говорил о дурном влиянии окружения.

Не обвинял никого напрямую, не называл конкретных людей, однако несколько раз осторожно возвращался к мысли, что причиной исчезновения могли стать наркотики или сомнительная компания.

Сьюзен отметила это про себя. Подобные предположения нередко оказывались верными. Но столь же часто они служили удобным объяснением, когда человек не хотел признавать существование иных причин. Разговор длился почти час. К его концу блокнот Сьюзен был заполнен заметками, однако странное ощущение неудовлетворённости не исчезло.

Информации оказалось много.

Слишком много второстепенных подробностей.

И удивительно мало того, что помогало понять саму Мию.

Когда беседа завершилась и Ханс Келлер покинул кабинет, Сьюзен ещё некоторое время сидела неподвижно.

За окном солнечный свет уже полностью рассеял утренний туман. Озеро сверкало между зданиями, и казалось невозможным поверить, что где-то совсем рядом могла разворачиваться история, способная закончиться трагедией.

Она открыла базу данных и начала просматривать материалы о семье Келлеров.

Сначала взгляд скользил по страницам без особого интереса. Биография Ханса выглядела именно такой, какой и должна была выглядеть биография успешного предпринимателя. Образование, компании, благотворительные проекты, награды.

Всё было безупречно.

Даже слишком.

Сьюзен поймала себя на этой мысли и тут же усмехнулась. Следователи вообще не любят слово «безупречно». Оно вызывает подозрение почти так же быстро, как слово «скандал». Среди документов обнаружилась старая семейная фотография. Снимок был сделан много лет

назад. На нём стояли четверо: сам Ханс, его брат с женой и девочка лет десяти. Мия. Сьюзен задержала взгляд на фотографии чуть дольше, чем собиралась. Она не могла объяснить почему.

Возможно, дело было в том, что остальные смотрели прямо в объектив, тогда как ребёнок словно отвлёкся на что-то за пределами кадра.

Возможно, причина заключалась в другом.

Так или иначе, фотография почему-то не выходила из головы.

К тому моменту рабочий день уже окончательно вступил в свои права. В коридоре слышались голоса сотрудников. Телефоны звонили почти без перерыва. Кто-то спорил о сроках отчётов, кто-то обсуждал новое расследование. Сьюзен закрыла досье. Формально у неё не было оснований уделять этому делу особое внимание. Пропавшая девушка. Уважаемый родственник.

Никаких признаков преступления.

И всё же что-то заставляло её думать, что ограничиться телефонными звонками не получится.

Она открыла ежедневник.

Некоторое время смотрела на список запланированных дел.

Затем аккуратно вычеркнула половину пунктов и вписала новую строку.

«Посетить дом Келлера».

После этого Сьюзен закрыла блокнот и ещё раз взглянула на озеро.

Утро начиналось спокойно.

Но опыт подсказывал ей, что самые неприятные истории обычно начинаются именно так.

Однако к работе над новым делом она приступила не сразу.

Некоторое время Сьюзен сидела за столом, просматривая записи, сделанные во время разговора с Хансом Келлером. Затем аккуратно закрыла блокнот и убрала его в сторону. Привычка требовала сначала закончить начатое. На столе ещё оставались документы по старому расследованию, которые необходимо было передать в архив.

Она потратила на это почти двадцать минут.

За это время отдел окончательно проснулся.

По коридорам постоянно кто-то ходил. Звонили телефоны. Хлопали двери кабинетов. Из соседнего помещения доносились голоса сотрудников, обсуждавших какую-то кражу в пригороде. Всё выглядело привычным и даже немного успокаивающим.

Люди часто представляют работу полиции иначе. Им кажется, будто расследования состоят из погонь, перестрелок и внезапных озарений. На самом деле большую часть времени занимают бумаги. Очень много бумаг.

Сьюзен не жаловалась.

Она давно научилась видеть в документах такую же ценность, какую другие следователи видели в допросах. Ошибка преступника чаще обнаруживается в отчёте, чем в драматической сцене признания.

Около десяти часов в кабинет снова заглянул Маркус Фогель.

На этот раз с двумя стаканчиками кофе.

— Я решил проявить великодушие.

— Неужели?

— Не привыкай.

Он поставил один стакан рядом с её компьютером и уселся напротив.

Некоторое время оба молчали.

Маркус хорошо знал коллегу и понимал, что если Сьюзен задумалась, то торопить её бесполезно.

— И что ты думаешь о Келлере?

Она отпила кофе.

— Пока ничего.

— Неправда.

— Почему?

— Потому что ты уже двадцать минут смотришь в одну и ту же папку.

Сьюзен невольно улыбнулась.

— Мне показалось странным его поведение.

— В каком смысле?

— Слишком спокойный.

Маркус пожал плечами.

— Люди по-разному реагируют на стресс.

— Знаю.

— Тогда в чём проблема?

Она немного подумала.

— Не могу объяснить.

И это была правда.

Обычно подозрения возникали из-за конкретных деталей. Несоответствия во времени.

Противоречий в показаниях. Попыток что-то скрыть.

Сейчас ничего подобного не было.

И всё же разговор не выходил у неё из головы.

Маркус допил кофе и поднялся.

— Если найдёшь международный заговор миллиардеров, дай знать.

— Обязательно.

— Только не сегодня. У меня много работы.

Когда он ушёл, Сьюзен снова повернулась к компьютеру.

На этот раз она открыла материалы о гибели родителей Мии. Документов оказалось немного. Старое дело давно закрыли.

Согласно официальной версии, супруги Келлер погибли во время поездки в Альпы. Автомобиль сорвался с горной дороги и упал в ущелье. Экспертиза признала случившееся несчастным случаем. Ничего необычного. Подобные аварии происходили каждый год.

Сьюзен просмотрела несколько страниц и уже собиралась закрыть файл, когда её внимание привлекла дата.

Она ещё раз посмотрела на экран.

Затем на фотографию Мии.

Потом снова на дату.

Девочке было десять лет.

Фактически всё её детство прошло под опекой Ханса. Сьюзен сама не знала, почему эта мысль показалась важной. Возможно, никак не связана с исчезновением. Однако она записала её в блокнот.

За годы работы следователь учится доверять не только логике, но и памяти. Иногда мелочь, не имеющая значения сегодня, становится ключом через неделю. Вскоре она обнаружила ещё одну любопытную деталь. После гибели родителей имя Мии почти исчезло из публичного пространства. Разумеется, это нельзя было назвать чем-то необычным. Многие семьи предпочитают ограждать детей от внимания прессы. И всё же создавалось впечатление, будто кто-то сознательно вычеркнул девушку из истории семьи.

На официальных фотографиях фонда её не было.

На публикациях о благотворительных мероприятиях — тоже.

Словно существовали два отдельных мира.

В одном находился влиятельный предприниматель Ханс Келлер.

В другом — его племянница.

Сьюзен откинулась на спинку кресла и посмотрела в окно. Озеро уже сияло под полуденным солнцем. Катера пересекали воду тонкими белыми линиями. На противоположном берегу виднелись дома, утопавшие в зелени.

Всё выглядело настолько спокойно, что мысли о пропавшей девушке казались почти неуместными.

Но именно такие контрасты она замечала чаще всего.

Красивый город не становится менее опасным только потому, что выглядит красивым.

В двенадцать часов ей позвонили из университета Мии. Разговор длился недолго. Девушка действительно посещала занятия исправно. Пропусков почти не было. Последний раз её видели несколько дней назад. Никаких конфликтов. Никаких жалоб. Никаких тревожных сигналов. После звонка Сьюзен сделала ещё несколько записей. Затем открыла ежедневник. Она долго смотрела на список задач.

1. Встреча с прокуратурой. Работа с архивом.

2. Подготовка отчётов.

Все эти дела внезапно показались ей менее важными. Наконец она взяла ручку и аккуратно вычеркнула несколько пунктов.

После чего написала новую строку:

«Дом Келлера. Осмотр комнаты Мии».

Поставив точку, Сьюзен почувствовала знакомое облегчение.

План снова существовал.

А значит, можно было двигаться дальше.

Глава 2. Дом с видом на озеро

Сьюзен приехала в отдел раньше обычного. Ночь прошла беспокойно. Она несколько раз просыпалась и каждый раз обнаруживала, что думает об одном и том же разговоре.

Само по себе исчезновение молодой девушки не было чем-то необычным для полиции. Большинство подобных историй заканчивались довольно прозаично: люди находились у друзей, уезжали без предупреждения или просто хотели на время исчезнуть из привычной жизни. Однако случай Мии Келлер почему-то не выходил у неё из головы. Возможно, причиной был сам Ханс Келлер. За годы работы Сьюзен научилась замечать мелочи. Не ложь — её распознать было гораздо сложнее, чем показывают в фильмах. Скорее несоответствия. Люди переживают по-разному, но есть вещи, которые невозможно полностью скрыть. Тревога всегда отражается в голосе, страх — в движениях рук, усталость — во взгляде.

Во время разговора с Хансом она почти не увидела ничего подобного. Он выглядел человеком, который пришёл решать проблему, а не искать пропавшего родственника. Эта мысль казалась несправедливой, и всё же Сьюзен никак не могла от неё избавиться.

Она открыла компьютер и ещё раз просмотрела материалы по делу. Новых данных не появилось. Телефон Мии по-прежнему оставался отключённым. Банковская карта не использовалась. Камеры наблюдения в районе её университета ничего полезного не показали. Последний подтверждённый след девушки обрывался три дня назад. Около десяти часов утра Сьюзен закрыла папку и посмотрела на часы. Чем дольше она размышляла, тем сильнее убеждалась, что необходимо увидеть место, где жила Мия.

В некоторых случаях комната человека рассказывала больше, чем десятки свидетельских показаний. По тому, как лежат книги, какие фотографии стоят на полках и какие записи человек оставляет на столе, можно понять гораздо больше, чем по официальной биографии.

Погода за окном испортилась. Серые облака затянули небо над озером, и город выглядел заметно мрачнее, чем накануне. Когда Сьюзен выехала в сторону Цюрихберга, начал моросить мелкий дождь. Машина медленно поднималась по извилистым улицам, проходившим между старыми виллами и аккуратными садами. Район давно считался одним из самых престижных в городе. Здесь редко встречались случайные прохожие, а дома больше напоминали частные резиденции, чем обычное жильё. Некоторые участки были скрыты за высокими живыми изгородями, другие — за коваными воротами и каменными стенами. Всё вокруг выглядело настолько спокойно и благополучно, что трудно было представить, будто отсюда могла исчезнуть молодая девушка.

Особняк Келлера стоял на возвышенности. Уже подъезжая к воротам, Сьюзен поняла, что фотографии в интернете сильно уменьшали его размеры. Дом был огромным. Светлый камень фасада выделялся даже под пасмурным небом. За домом виднелись высокие деревья, а впереди склон уходил к озеру. Вид отсюда наверняка стоил целое состояние. Пока ворота медленно открывались, Сьюзен поймала себя на мысли, что Мия, вероятно, провела большую часть жизни в одном из самых красивых мест страны. Странно было думать, что человек, выросший среди такого достатка и комфорта, мог исчезнуть без следа.

Дверь открыл сам Ханс Келлер. Он выглядел так же безупречно, как и вчера. Казалось, что за прошедшие сутки он вообще не спал и не бодрствовал — просто оставался неизменным. На нём был тёмный свитер и серые брюки, однако даже в такой простой одежде он сохранял вид человека, привыкшего контролировать всё вокруг. Он вежливо поприветствовал Сьюзен и предложил пройти внутрь.

Дом оказался именно таким, каким она его представляла после первого впечатления от хозяина. Здесь было просторно, тихо и удивительно чисто. настолько чисто, что это бросалось

в глаза. Полы блестели. На мебели не было ни единой лишней вещи. Даже книги на полках стояли так ровно, будто их выравняли по линейке. Пока Ханс показывал комнаты первого этажа, Сьюзен внимательно осматривалась. Огромная гостиная с панорамными окнами больше напоминала дорогой гостиничный холл. Кабинет выглядел как иллюстрация из журнала о бизнесе. Столовая могла бы без изменений появиться в рекламе элитной недвижимости. Всё производило впечатление достатка и вкуса, однако почти нигде не ощущалось присутствия людей.

Это чувство усилилось, когда они поднялись на второй этаж.

— Здесь жила Мия, — сказал Ханс, открывая дверь.

Сьюзен вошла в комнату и остановилась. На первый взгляд помещение выглядело вполне обычным. Большое окно занимало почти всю стену и выходило на озеро. Возле окна стоял письменный стол. У противоположной стены находилась кровать. Рядом располагался шкаф и несколько книжных полок. Однако уже через несколько секунд стало понятно, что именно вызвало у неё странное ощущение. Комната была слишком пустой.

Она не выглядела заброшенной. Наоборот, здесь недавно убирались. Но в ней почти не осталось признаков того, что здесь жила двадцатидвухлетняя девушка. На столе не лежало ни одной тетради. На полках почти отсутствовали книги. На стенах не было фотографий друзей, семейных снимков или памятных записок. Даже одежда в шкафу висела так аккуратно, словно её готовили для витрины магазина. Сьюзен медленно прошла по комнате, стараясь не показывать своих мыслей. За годы службы она научилась замечать детали автоматически. И сейчас каждая новая деталь только усиливала ощущение неправильности.

Сьюзен подошла к письменному столу и выдвинула верхний ящик. Внутри лежали несколько ручек, блокнот без записей и упаковка скрепок. Она просмотрела содержимое почти машинально и открыла следующий ящик. Там оказалось ещё меньше вещей. Всё выглядело так, будто комнату не просто убрали, а специально подготовили к осмотру. За время службы ей доводилось видеть помещения после обысков, после ремонтов и даже после попыток уничтожить улики. Каждый раз оставалось ощущение вмешательства. Здесь возникало похожее чувство. Не потому, что она видела конкретные доказательства. Скорее потому, что комната казалась слишком правильной.

Она открыла шкаф. Внутри висела одежда. Деловые пиджаки, несколько свитеров, рубашки, джинсы. Всё аккуратно распределено по цветам. Внизу стояли коробки с обувью. Сьюзен осмотрела их и снова нахмурилась. Вещей было мало. Слишком мало для человека, который прожил здесь большую часть жизни. Конечно, часть одежды могла находиться в стирке или химчистке, однако общее впечатление от этого не менялось. Комната не рассказывала о своей хозяйке почти ничего.

Пока она осматривала шкаф, Ханс оставался возле двери. Он не вмешивался и не задавал вопросов. Просто наблюдал. Именно это раздражало Сьюзен больше всего. Большинство людей в подобной ситуации старались помочь, рассказывали истории, вспоминали последние разговоры. Ханс словно ждал окончания процедуры. Будто речь шла о ежегодной проверке бухгалтерии.

— У Мии были друзья, которые часто бывали здесь? — спросила Сьюзен, закрывая дверцу шкафа.

— Иногда приходили однокурсники.

— Часто?

— Не думаю.

— Она любила принимать гостей?

Ханс ненадолго задумался.

— В последние месяцы нет.

Ответ показался ей уклончивым. Не ложным. Просто уклончивым. За время беседы она уже несколько раз замечала одну особенность. Когда вопрос касался фактов, Ханс отвечал

быстро. Когда разговор затрагивал саму Мию, ответы становились осторожнее. Словно он подбирал формулировки.

Сьюзен подошла к окну. Отсюда открывался вид почти на всё озеро. Несмотря на пасмурную погоду, пейзаж оставался впечатляющим. На другом берегу угадывались очертания домов, а вдаль сквозь туман просматривались горные вершины. Она представила, как девушка сидит за этим столом поздно вечером, смотрит на воду и пытается разобраться в собственной жизни. Мысль показалась неожиданно личной.

В какой-то момент телефон Ханса завибрировал. Он взглянул на экран и нахмурился.

— Простите, мне нужно ответить.

— Конечно.

Когда дверь закрылась, Сьюзен осталась одна.

Тишина в комнате сразу стала другой. Пока рядом находился хозяин дома, она постоянно ощущала его присутствие. Теперь можно было спокойно сосредоточиться. Она ещё раз обошла помещение. Потом вернулась к столу. Интуиция подсказывала, что она что-то упускает.

Сьюзен никогда не считала себя человеком с особым чутьём. По её мнению, большинство так называемых озарений рождались из наблюдательности. Мозг замечал детали раньше сознания, а потом выдавал результат в виде странного ощущения. Сейчас происходило именно это.

Она снова посмотрела на стол. На полки. На кровать. На стену возле розетки.

И вдруг поняла, что привлекло её внимание ещё в первые минуты.

Розетка была закреплена иначе.

Разница оказалась почти незаметной. Обычный человек не обратил бы на неё внимания. Но Сьюзен всегда замечала подобные мелочи. Один винт выглядел новее остальных. Пластиковая рамка сидела чуть менее плотно.

Она присела на корточки и внимательно осмотрела крепление.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом она осторожно поддела край панели ногтем.

Рамка едва заметно сдвинулась.

Сьюзен почувствовала, как внутри растёт напряжение. Не волнение и не страх. Скорее профессиональный интерес. То самое чувство, которое возникает у следователя за секунду до находки важной детали.

Она потянула панель ещё немного.

За ней обнаружилось небольшое углубление.

Внутри лежал чёрный USB-накопитель.

Несколько секунд Сьюзен просто смотрела на него. Предмет был настолько маленьким, что легко помещался в ладони. Никаких наклеек, подписей или опознавательных знаков. Обычная флешка.

Но прятать обычные флешки внутри стены никто не станет.

Она быстро убрала находку в карман.

В этот момент в коридоре слышались шаги.

Сьюзен успела подняться прежде, чем дверь открылась.

Ханс вернулся всё с тем же спокойным выражением лица.

— Нашли что-нибудь?

— Пока нет ничего полезного.

Он кивнул и посмотрел на комнату.

На долю секунды ей показалось, что его взгляд задержался именно на той стене, возле которой она стояла. Возможно, это было совпадением. Возможно, нет.

Через несколько минут осмотр закончился. Ханс проводил её до выхода. Пока они шли по коридору, Сьюзен думала только о флешке в кармане. Ей всё труднее было сохранять внешнее спокойствие. Обычно найденные улики требовали оформления и передачи экспертам. Однако

сейчас ситуация выглядела иначе. Она ещё не знала, имеет ли находка отношение к исчезновению девушки. Сначала нужно было понять, что именно хранится на носителе.

Дождь усилился. Капли стучали по лобовому стеклу, пока машина спускалась по дороге к центру города. Радио работало вполголоса, но Сьюзен почти не слышала его. Все мысли были заняты одним вопросом.

Что мог спрятать человек, который опасался собственного дяди настолько сильно, что прятал данные внутри стены?

Глава 3. Тело на льду

Телефон зазвонил в 5:34 утра.

Сьюзен проснулась мгновенно, будто вовсе не спала. Последние несколько дней сон стал поверхностным и беспокойным. Она постоянно возвращалась мыслями к одному и тому же делу, прокручивала в голове разговоры, детали, собственные выводы. Такое происходило всякий раз, когда расследование выходило за пределы привычной логики. Обычно всё было просто: появлялся факт, за ним следовал другой факт, затем третий, и постепенно складывалась картина.

Сейчас картина не складывалась. Она распадалась. Каждый новый элемент только увеличивал количество вопросов. Даже перед тем как уснуть ночью, Сьюзен ещё раз просмотрела файлы с флешки Мии, потом перечитала письмо, затем составила список людей, с которыми необходимо поговорить в ближайшие дни. Список лежал на прикроватной тумбочке рядом с блокнотом. Увидев на экране телефона имя Маркуса, она сразу поняла, что спокойное утро отменяется.

— Да?

Голос напарника звучал непривычно серьёзно.

— Мы нашли её.

Сьюзен села на кровати и посмотрела в окно. За стеклом медленно светало. Небо над Цюрихом оставалось серым, а озеро почти сливалось с горизонтом.

— Где?

— В кантоне Берн. Недалеко от Гриндельвальда. Тело нашли спасатели возле ледника.

После этих слов в комнате стало удивительно тихо. Казалось, что даже город за окном перестал издавать звуки. Сьюзен не ответила сразу. В последние дни она допускала такой вариант. Более того, после письма на флешке он казался всё более вероятным. Но одно дело — подозревать худшее, и совсем другое — услышать подтверждение. Где-то внутри ещё оставалась надежда, что Мия просто скрывается, что она испугалась и решила исчезнуть на время. Теперь эта версия исчезла окончательно.

— Когда выезжаем?

— Через час.

— Поняла.

Закончив разговор, она ещё некоторое время сидела неподвижно. Потом поднялась и пошла на кухню. Кофемашина загудела в привычной утренней тишине. Пока чашка наполнялась кофе, Сьюзен открыла блокнот и посмотрела на вчерашние записи. Это была старая привычка, появившаяся ещё в академии. Когда ситуация начинала выходить из-под контроля, она записывала всё на бумагу. Не потому, что могла забыть детали. Наоборот. Память у неё была отличная. Просто записи создавали ощущение порядка. Если события можно разложить по пунктам, значит, их можно понять. Если их можно понять, значит, ими можно управлять.

Однако сегодня даже аккуратный список не приносил привычного спокойствия. Исчезновение Мии. Дом Келлера. Пустая комната. Спрятанная флешка. Письмо с прямым обвинением. Теперь тело. Каждая строчка выглядела как часть одной истории, но между ними по-прежнему не хватало самого важного — объяснения.

Дорога доерна заняла чуть больше двух часов. Чем дальше они уезжали от Цюриха, тем менее знакомым становился пейзаж. Озеро осталось позади, затем исчезли пригороды, а потом начали появляться горы. Сьюзен смотрела в окно и почти не замечала времени. Маркус несколько раз пытался завести разговор, но быстро понял, что сегодня она не настроена на беседы. Впрочем, он и сам выглядел напряжённым. Исчезновения случались часто. Убийства

тоже. Однако всегда оставалась разница между делом, которое начинается с тела, и делом, которое начинается с живого человека. В первом случае расследование строится вокруг уже совершённого преступления. Во втором до последнего сохраняется надежда, что преступления вообще не было. Теперь эта надежда закончилась.

По мере приближения к месту обнаружения тела погода становилась всё хуже. Низкие облака цеплялись за вершины гор. Ветер усиливался. Снег, лежавший на склонах, выглядел серым под пасмурным небом. Когда они наконец добрались до нужного участка дороги, Сьюзен сразу поняла, почему тело обнаружили только сейчас. Место было практически безлюдным. Даже летом здесь редко появлялись туристы, а в такое время года большинство маршрутов оставались закрытыми. Вдалеке виднелись машины полиции и спасателей. Несколько человек работали возле временной палатки, установленной прямо на снегу. Остальной мир словно исчез. Вокруг были только горы, лёд и ветер.

Выбравшись из машины, Сьюзен почувствовала холод почти сразу. Он пробирался под куртку и заставлял сильнее запахивать воротник. Несколько секунд она просто смотрела по сторонам. Её всегда немного подавляли подобные места. Не потому, что они были опасны. Скорее наоборот. Здесь слишком отчётливо чувствовалось, насколько маленьким является человек по сравнению с окружающим миром. Огромные склоны уходили вверх и терялись в облаках. Ледник растягивался на сотни метров. Любая ошибка, любой неверный шаг могли остаться незамеченными. Возможно, именно поэтому преступник выбрал это место.

Навстречу им вышел мужчина в тёмной куртке с эмблемой судебной службы. Сьюзен узнала его сразу. Доктор Вебер уже несколько раз работал с их отделом и пользовался репутацией человека, который никогда не делает поспешных выводов.

— Инспектор Брукхардт.

— Доктор.

Они обменялись рукопожатием.

— Боюсь, новости не самые хорошие.

Сьюзен едва заметно усмехнулась.

— Вряд ли меня сегодня можно удивить.

Вебер посмотрел на неё несколько секунд, словно оценивая, насколько она готова услышать подробности. Потом кивнул в сторону палатки.

— Тело уже осмотрели на месте. Предварительные выводы готовы.

Сьюзен почувствовала, как внутри снова появляется знакомое напряжение. Именно в такие моменты расследование делало очередной шаг вперёд. Иногда этот шаг помогал приблизиться к истине. Иногда, наоборот, открывал новые тупики.

— Причина смерти?

Эксперт ответил не сразу.

— Предварительно — удушение.

Маркус тихо выругался за её спиной.

Сьюзен молчала. Где-то глубоко внутри она ожидала именно этого ответа ещё с момента, когда прочитала письмо Мии. И всё же услышать его вслух оказалось тяжелее, чем она предполагала. Слова внезапно сделали происходящее реальным. До этой минуты существовала возможность ошибки. Возможность того, что всё окажется совпадением. Теперь совпадений становилось слишком много.

Доктор Вебер продолжал говорить, объясняя детали экспертизы, но Сьюзен уже понимала главное. Девушку не просто нашли мёртвой. Девушку убили.

И впервые с начала расследования она по-настоящему подумала о Хансе Келлере.

Доктор Вебер провёл их к палатке, где сотрудники криминалистической службы заканчивали работу с вещами погибшей. Самого тела Сьюзен уже не видела — его подготовили к транспортировке, однако фотографий оказалось достаточно. Она внимательно просматривала

снимки, стараясь не упустить ни одной детали. За годы работы подобные кадры перестали вызывать шок, но привычки отворачиваться она так и не приобрела. Наоборот. Чем неприятнее были фотографии, тем внимательнее приходилось их изучать. Ошибки часто скрывались именно там, куда человеку не хотелось смотреть.

Мия лежала на снегу почти как спящая. Со стороны это выглядело даже обманчиво спокойно. Только неестественная бледность кожи и неподвижность разрушали иллюзию. Сьюзен перелистнула несколько кадров и остановилась на увеличенной снимке шеи. Следы были едва заметны. Обычный человек, вероятно, вообще ничего бы не увидел. Однако эксперт оказался прав. На коже оставались характерные повреждения.

— Руки? — спросила она.

— Следы борьбы минимальные, — ответил Вебер. — Возможно, нападение произошло неожиданно. Либо жертва знала нападавшего и не воспринимала его как угрозу до последнего момента.

Сьюзен почувствовала, как внутри неприятно шевельнулась мысль, которую она уже несколько раз пыталась отогнать. Если убийца действительно был человеком из ближайшего окружения Мии, то круг подозреваемых резко сокращался. Большинство людей не впускают опасность в свою жизнь добровольно. Но родственников, друзей и близких они подпускают всегда.

Она ещё раз посмотрела на фотографии. Молодая девушка. Двадцать два года. Университет. Друзья. Планы на будущее. Теперь всё это закончилось где-то среди гор и льда. В такие моменты Сьюзен особенно ненавидела свою работу. Не из-за преступников. К преступникам она давно привыкла. Она ненавидела то, как легко чужая жизнь могла превратиться в папку на столе следователя.

— Что со временем смерти? — спросила она.

Вебер открыл планшет и пролистал несколько страниц отчёта.

— Точную цифру назовём после вскрытия, но предварительная оценка достаточно надёжна. Девушка умерла примерно за двенадцать часов до того, как было подано заявление о её исчезновении.

На этот раз Сьюзен ничего не сказала.

Она просто смотрела на эксперта.

Потом перевела взгляд на снег.

Потом снова на планшет в его руках.

Двенадцать часов.

В голове моментально начали складываться даты и время. Она всегда хорошо работала с хронологией. Возможно, именно поэтому так любила планы. Любое событие должно занимать своё место. Любое действие должно иметь последовательность.

Заявление Ханса. Утро. Его визит в отдел. Спокойный голос. Версия про наркотики. Его уверенность. Если расчёты эксперта верны, то в тот момент Мия уже была мертва. Эта мысль ударила сильнее, чем известие об убийстве. Потому что меняла всё.

До сих пор Сьюзен допускала разные варианты. Даже после флешки она старалась держаться за факты. Но теперь факты сами начинали указывать в одну сторону.

Она вспомнила кабинет в полицейском управлении. Вспомнила, как Ханс сидел напротив неё. Как спокойно рассказывал о возможных проблемах племянницы. Как почти сразу предложил готовое объяснение её исчезновения. Тогда это показалось ей странным. Теперь выглядело ещё хуже.

Если Мия умерла до заявления о пропаже, значит, Ханс либо знал об этом, либо обладал невероятным количеством совпадений в своей жизни.

Сьюзен никогда не любила совпадения.

Совпадения были удобны только для людей, которые не хотели искать настоящие ответы.

Как сказала Агата Кристи: Одно совпадение — просто совпадение. Два совпадения — уже подсказка. Три совпадения — доказательство.

Обратная дорога прошла почти в полном молчании. Маркус несколько раз пытался заговорить, но быстро оставил попытки. Сьюзен сидела у окна и смотрела на проносящиеся мимо склоны. Обычно после важных событий она начинала составлять мысленные схемы расследования. Раскладывала факты по местам. Искала связи. Сейчас процесс шёл сам собой.

Флешка. Письмо. Странная комната. Обвинение в адрес Ханса. Убийство. Время смерти. Чем больше элементов появлялось, тем сильнее вырисовывался один и тот же силуэт. Проблема заключалась только в том, что силуэт нельзя предъявить суду. Ей нужны были доказательства. Настоящие доказательства.

Когда они вернулись в Цюрих, часы показывали начало шестого вечера. Небо окончательно потемнело, а над озером начинал подниматься туман. Сьюзен надеялась сразу заняться отчётами и запросами, однако едва они вошли в здание управления, секретарь сообщила, что комиссар Роттер требует их к себе.

Это не понравилось ей сразу.

Начальство редко вызывает следователей в первый же день после обнаружения тела. Обычно руководителей интересуют результаты, а не процесс.

Кабинет Роттера находился на верхнем этаже. Большие окна выходили на город, который постепенно погружался в вечерние огни. Сам комиссар сидел за столом с таким выражением лица, будто разговор уже заранее его раздражал.

— Садитесь.

Сьюзен и Маркус заняли места напротив.

Роттер некоторое время листал документы, не поднимая глаз.

— Я ознакомился с предварительным отчётом из Берна.

— И? — спросила Сьюзен.

Комиссар закрыл папку.

— И считаю, что нам следует действовать осторожно.

Слово «осторожно» ей не понравилось ещё больше.

— Осторожно в каком смысле?

— В том смысле, что пока рано делать выводы.

— Девушку задушили.

— Это предварительная версия.

— Подтверждённая экспертом.

Роттер тяжело вздохнул.

— Инспектор Брукхардт, я прекрасно знаю содержание отчёта.

Сьюзен почувствовала знакомое раздражение. Она старалась держать его под контролем, но получалось всё хуже. Возможно, сказала усталость. Возможно, бессонная ночь. Возможно, ощущение, что кто-то снова пытается увести расследование в сторону.

— Тогда я не понимаю, о чём мы спорим.

Комиссар некоторое время молчал.

Потом произнёс фразу, которую она меньше всего ожидала услышать.

— Версия с наркотиками остаётся рабочей.

В кабинете повисла тишина.

Маркус медленно повернул голову к начальнику.

Сьюзен смотрела на него несколько секунд, пытаясь понять, серьёзно ли он говорит.

Следы удушения, перемещение тела, предварительное убийство, и всё равно наркотики. В этот момент внутри неё что-то окончательно встало на место.

Кто-то уже начал защищать Ханса Келлера. Не знала кто, и как. Но это ощущение все стояло у нее внутри, и совсем не хотело уходить.

Роттер продолжал что-то говорить о необходимости соблюдать процедуры и избегать поспешных обвинений, однако Сьюзен почти не слушала. Она смотрела на вечерний город за его спиной и думала о другом.

О письме Мии, спрятанной флешке, спокойном мужчине с чёрными глазами, который пришёл в полицию сообщить об исчезновении девушки уже после того, как она умерла.

И впервые с начала расследования Сьюзен поняла, что имеет дело не просто с убийством. Она имеет дело с человеком, который привык побеждать.

Вернувшись в кабинет, Сьюзен ещё несколько минут сидела неподвижно. В управлении постепенно становилось тихо. Где-то хлопнула дверь, потом послышались шаги в коридоре, после чего всё снова затихло. Большинство сотрудников давно разъехались по домам. Только дежурные и несколько следователей оставались на своих местах.

Она посмотрела на часы. Было почти восемь вечера. Обычно к этому времени её рабочий день уже заканчивался. Обычно она возвращалась домой, открывала ежедневник и готовила план на следующий день. Эта привычка появилась много лет назад и помогала сохранять ощущение контроля над собственной жизнью. Сейчас контроль ускользал. Чем больше фактов появлялось в деле Мии, тем меньше порядка оставалось в общей картине. Именно это раздражало её сильнее всего. Не жестокость преступления. Не смерть девушки. А невозможность выстроить события в понятную последовательность. Она снова вспомнила разговор с Роттером и почувствовала знакомое напряжение. Начальник явно что-то скрывал. Или, что было ещё хуже, выполнял чью-то просьбу.

Флешка лежала рядом с клавиатурой. Маленький чёрный прямоугольник выглядел совершенно обычным предметом. Если бы Мия не спрятала его внутри стены, Сьюзен наверняка отнеслась бы к содержимому менее серьёзно. Но люди не прячут обычные фотографии и конспекты за розетками. Особенно если живут в доме собственного родственника. Она открыла папки ещё раз и начала просматривать файлы заново. На этот раз без спешки. Некоторые записи Мии представляли собой короткие заметки, сделанные на ходу. Другие больше напоминали страницы личного дневника. Девушка постоянно возвращалась к одной теме — своим родителям. Почти каждая третья запись так или иначе касалась их гибели. Сначала Сьюзен решила, что это естественно. Потеря родителей в юном возрасте оставляет след на всю жизнь. Однако постепенно стало очевидно, что дело не только в горе. Мия что-то искала. Что-то проверяла. Снова и снова возвращалась к событиям многолетней давности, словно была уверена, что официальная версия аварии неверна.

Одна из записей заставила Сьюзен перечитать её дважды. В ней не было ничего сенсационного. Всего несколько строк о посещении банка и разговоре с каким-то сотрудником. Однако дальше следовала фраза, которая сразу привлекла внимание: «Если документы настоящие, значит отец всё-таки знал». Сьюзен откинулась на спинку кресла и нахмурилась. Девушка не уточняла, о каких документах идёт речь. Не объясняла, что именно должен был знать отец. Но запись была сделана всего за несколько недель до смерти. Это превращало её из обычного размышления в потенциальную зацепку. Следователь открыла блокнот и быстро записала несколько вопросов. Она всегда работала именно так. Любая мысль должна была оказаться на бумаге. В противном случае появлялся риск упустить важную связь между событиями.

Следующий файл оказался ещё интереснее. В нём Мия упоминала банковскую ячейку. Всего один абзац, написанный явно в спешке. Девушка отмечала, что часть документов находится в безопасном месте и что до них не должен добраться Ханс. Последнее предложение было оборвано на середине. Сьюзен перечитала текст несколько раз подряд. Сердце билось чуть быстрее обычного. Не от волнения, а от профессионального интереса. Впервые с начала расследования она видела что-то, что могло существовать вне слов и подозрений. Письмо с обвинением — это мнение. Страх Мии — это эмоции. Но документы — совсем другое дело. Доку-

менты либо существуют, либо нет. И если они существуют, то способны рассказать гораздо больше, чем любые воспоминания свидетелей.

Она поднялась из-за стола и подошла к окну. Дождь уже начался. Крупные капли стекали по стеклу, превращая огни города в размытые пятна света. Где-то за этими огнями находился дом Ханса Келлера. Возможно, сейчас он ужинал. Возможно, разговаривал с адвокатами. Возможно, вообще не думал о расследовании. Эта мысль неожиданно разозлила её.

За годы работы Сьюзен научилась не привязываться к делам слишком сильно. Эмоции мешали. Они заставляли видеть то, чего нет. Но сейчас ситуация была иной. Она вспоминала фотографии с ледника, вспоминала письмо Мии и всё чаще задавала себе один и тот же вопрос. Если девушка действительно боялась дядю, почему никто не заметил этого раньше? Почему никто не задал нужных вопросов? Почему её предупреждение нашли только после смерти?

Некоторое время Сьюзен стояла возле окна, затем вернулась к столу и открыла ежедневник. На чистой странице появилась новая запись. Первым пунктом она написала: «Установить банк». Вторым: «Проверить старое дело родителей». Третьим: «Повторно изучить финансовые связи Келлера». Закончив список, она впервые за весь день почувствовала слабое облегчение. План не решал проблему. Но план означал движение вперёд. А движение вперёд всегда было лучше бессмысленных размышлений.

Глава 4. Первый разговор с Лукасом

На следующее утро Сьюзен проснулась раньше будильника. Такое случалось редко. Обычно она вставала точно по расписанию, которое сама же для себя и составила несколько лет назад. Будильник звонил в шесть тридцать, кофе варился в шесть сорок, выход из квартиры происходил в семь двадцать. Даже в выходные дни разница редко превышала полчаса. Эта система помогала ей сохранять ощущение контроля над жизнью, особенно после тяжёлых расследований. Однако сегодня она открыла глаза почти в пять утра и сразу поняла, что больше не уснёт. Причиной была не смерть Мии и даже не разговор с комиссаром Роттером. Причиной стал один конкретный файл с флешки. Среди множества заметок и дневниковых записей имя Лукаса встречалось чаще остальных. Иногда Мия просто упоминала его в разговорах. Иногда описывала встречи. В одной записи она прямо написала, что доверяет ему больше, чем кому-либо другому. Для следователя подобные вещи редко оказываются случайностью. Если человек находится рядом с жертвой в последние месяцы жизни, он почти всегда знает больше остальных. Вопрос заключался лишь в том, сколько именно.

К восьми утра Сьюзен уже сидела в кабинете с чашкой кофе и открытым ноутбуком. Поиск информации занял меньше времени, чем она ожидала. Лукас Шнайдер, двадцать четыре года, студент факультета экономики, проживает в Женеве. Никаких приводов в полицию, никаких серьёзных нарушений закона, никаких подозрительных эпизодов в прошлом. Его досье выглядело настолько чистым, что казалось почти скучным. Однако именно это настораживало её меньше всего. Опыт давно научил Сьюзен, что самые важные свидетели редко имеют богатую криминальную биографию. Обычно это обычные люди, которые внезапно оказываются рядом с чем-то страшным и совершенно не знают, что делать дальше. Она ещё раз просмотрела адрес и закрыла компьютер. Решение пришло само собой. Телефонный разговор ничего не даст. Нужно ехать лично.

Дорога до Женевы заняла несколько часов. Большую часть пути Сьюзен провела в размышлениях о Мии. Чем больше она узнавала о погибшей девушке, тем сильнее менялось её первоначальное впечатление. В первые дни расследования она представляла себе избалованную наследницу богатой семьи, которая могла ввязаться в неприятности из-за собственной беспечности. Теперь этот образ постепенно разрушался. Судя по дневнику, Мия была гораздо внимательнее и осторожнее, чем казалось окружающим. Более того, она явно занималась собственным расследованием задолго до того, как исчезла. Некоторые записи напоминали заметки журналиста или детектива. Девушка фиксировала даты, фамилии, разговоры и собственные подозрения. Иногда Сьюзен ловила себя на мысли, что читает не дневник, а черновик уголовного дела. И если это действительно так, то кто-то убил Мию именно потому, что она слишком близко подошла к правде.

Женева встретила её прохладным ветром и низкими облаками. Озеро выглядело почти стальным под серым небом. Несмотря на будний день, набережная оставалась оживлённой. Туристы фотографировали фонтан, прохожие спешили по своим делам, официанты расставляли столики возле кафе. Глядя на всё это, Сьюзен в очередной раз подумала о том, насколько странно устроена жизнь. В одном городе люди обсуждают новые контракты и планы на отпуск, а в другом следователи пытаются понять, кто задушил молодую девушку и почему её тело оказалось возле ледника. Мир никогда не останавливался ради чужих трагедий.

Адрес Лукаса находился недалеко от центра. Небольшой многоквартирный дом выглядел вполне обычным. Никакой роскоши. Никакой бедности. Типичное жильё студента или молодого специалиста. Поднимаясь по лестнице, Сьюзен ещё раз мысленно повторила вопросы, которые собиралась задать. Она всегда готовилась к подобным разговорам заранее. Импро-

визация работала только в кино. В реальной жизни хороший допрос начинался задолго до встречи. Нужно понимать, какую информацию ты хочешь получить, какие темы лучше затронуть сразу, а какие оставить напоследок. Особенно если собеседник напуган.

Дверь открылась не сразу. Сначала послышались шаги, затем щёлкнул замок. На пороге появился молодой человек в тёмном свитере. Несколько секунд он просто смотрел на неё, будто пытаясь понять, кто стоит перед ним. Потом его взгляд опустился на удостоверение в её руках.

— Лукас Шнайдер?

— Д-да.

Он заметно занервничал.

Сьюзен сразу обратила внимание на то, как он держится. Напряжённые плечи. Быстрые движения глаз. Постоянное желание посмотреть куда-то в сторону. Она видела подобное сотни раз. Так ведут себя люди, которые живут в состоянии постоянной тревоги. Иногда причиной становилась ложь. Иногда страх.

— Инспектор Брукхардт. Мне нужно поговорить с вами о Мии Келлер.

Имя девушки подействовало мгновенно. Лукас побледнел так заметно, что это невозможно было не увидеть.

— Что... что произошло?

Сьюзен несколько секунд молчала. Она давно поняла, что плохие новости нельзя смягчить красивыми словами.

— Мия мертва.

Лукас застыл.

На его лице появилось выражение человека, который услышал фразу, смысл которой мозг пока отказывается принимать. Несколько секунд он просто смотрел на неё. Потом медленно опустил взгляд в пол.

— Нет...

Это слово прозвучало почти шёпотом.

Сьюзен ничего не сказала. Иногда людям нужно время.

Через несколько секунд Лукас отошёл в сторону и открыл дверь шире.

— В-входите.

Она вошла в квартиру и сразу поняла, что дальнейший разговор лучше вести не здесь.

Слишком тесно.

Слишком много напряжения.

Слишком мало воздуха.

Кроме того, Лукас выглядел так, будто ещё немного — и начнёт задыхаться от собственных мыслей.

Поэтому через двадцать минут они уже сидели в небольшом кафе возле озера. За окном медленно проплывали лодки. На воде покачивались белые лебеди. Обычный человек назвал бы это место уютным. Сьюзен же думала только о том, что сейчас услышит первую настоящую историю о Мии не из документов и записей, а от человека, который знал её лично.

И почему-то ей казалось, что после этого разговора дело станет гораздо опаснее.

Некоторое время они сидели молча. Официант принёс кофе и быстро ушёл, почувствовав настроение за столиком. Лукас почти не смотрел по сторонам. Его руки лежали возле чашки, но он так и не притронулся к напитку. Сьюзен наблюдала за ним и понимала, что сейчас лучше не торопить разговор. Люди редко начинают говорить сразу после тяжёлых новостей. Особенно если новость касается человека, который был для них важен. За окном ветер гнал по озеру мелкую рябь. Несколько лебедей медленно скользили по воде, совершенно не обращая внимания на холод. Город жил своей жизнью. В соседнем зале кто-то смеялся. Звенела посуда. Где-то играла тихая музыка. Всё это казалось почти неправильным на фоне человека, который только что узнал о смерти близкого друга.

Наконец Лукас поднял голову. Глаза у него покраснели, хотя слёз не было. Сьюзен уже заметила, что он принадлежит к тому типу людей, которые переживают всё внутри себя. Такие обычно долго держатся, а потом ломаются неожиданно даже для самих себя.

— Когда это случилось?

— Точное время ещё устанавливают, — ответила она спокойно. — Но несколько дней назад.

Лукас медленно кивнул и посмотрел в окно.

— Она боялась, что это произойдёт.

Сьюзен ничего не сказала.

Она ждала.

Именно такие фразы обычно оказываются важнее подготовленных вопросов.

— Кого она боялась? — спросила она через несколько секунд.

Лукас нервно провёл рукой по волосам.

— Дядю.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Будто он давно хотел произнести это вслух.

— Ханса Келлера?

— Да.

Сьюзен почувствовала, как внутри всё напряглось. После письма на флешке она ожидала услышать нечто подобное, но одно дело — прочитать обвинение в файле, и совсем другое — услышать его от живого человека.

— Почему?

Лукас долго молчал. Было видно, что он пытается решить, насколько ей можно доверять.

— Сначала я думал, что она преувеличивает. Честно. Иногда люди начинают подозревать родственников после каких-то старых конфликтов. Такое бывает. Но потом... потом она начала находить странные вещи.

— Какие вещи?

Он посмотрел на неё.

— Документы своего отца.

Сьюзен почувствовала знакомое ощущение, которое возникало всякий раз, когда расследование наконец начинало двигаться вперёд. Не догадка. Не теория. Конкретное направление.

— Расскажите подробнее.

Лукас глубоко вдохнул.

— Всё началось несколько месяцев назад. Мы тогда часто виделись. Почти каждый день. Однажды она позвонила мне поздно вечером и попросила приехать. Голос был такой, будто случилось что-то серьёзное. Когда я приехал, она показала старую коробку с документами. Нашла её среди вещей родителей. Там были письма, банковские бумаги, какие-то отчёты. Сначала я ничего не понял. Но Мия была уверена, что её отец перед смертью занимался каким-то расследованием.

Сьюзен внимательно слушала.

Каждое слово постепенно вставало на своё место рядом с тем, что она уже знала.

— Расследованием чего?

— Она не понимала до конца. Но постоянно говорила про деньги. Про какие-то переводы. Про фонд родителей.

При упоминании денег Сьюзен невольно вспомнила Ханса Келлера. Богатые люди редко становятся богатыми случайно. Ещё реже они спокойно относятся к угрозам своему состоянию.

— Она показывала вам документы?

— Некоторые.

— И что вы увидели?

— Честно? Немного. Я плохо разбираюсь в финансах. Но там были суммы. Большие суммы. И ещё фамилия Келлера встречалась слишком часто.

За окном медленно проплывал прогулочный катер. Сьюзен на мгновение отвлеклась, пытаясь собрать услышанное в единую картину. Пока всё выглядело обрывочно. Но уже сейчас прослеживалась определённая логика. Родители Мии что-то обнаружили. Затем погибли. Спустя годы сама Мия наткнулась на те же следы. После этого тоже погибла.

Совпадений становилось всё меньше.

— Когда вы в последний раз видели её?

Лукас опустил взгляд на чашку.

— За три дня до исчезновения.

— О чём вы говорили?

— Почти всё время о Хансе.

Он нервно усмехнулся.

— Знаете, раньше она старалась не обсуждать его слишком часто. А потом будто переключилась. Словно поняла что-то важное. Она всё время повторяла, что родители умерли не случайно.

Эти слова заставили Сьюзен вспомнить одну из записей на флешке. Там Мия написала почти то же самое.

— Она объясняла почему так считает?

— Говорила, что нашла подтверждение. Но подробностей не рассказала.

— Почему?

— Потому что боялась.

Впервые за весь разговор голос Лукаса стал совсем тихим.

— Она действительно боялась, инспектор.

Сьюзен заметила, как он непроизвольно оглянулся через плечо, хотя за соседними столиками сидели обычные посетители.

— Последние недели она постоянно оглядывалась. Меняла маршруты. Проверяла телефон. Иногда ей казалось, что за ней следят.

— А вам?

— Что?

— Вам тоже казалось, что за ней следят?

Лукас задумался.

Ответ пришёл не сразу.

— Один раз.

— Расскажите.

Несколько секунд он молчал.

— Мы выходили из кинотеатра. Уже вечером. Мия вдруг остановилась и сказала, что видела машину Ханса. Я посмотрел, но ничего особенного не заметил. Тогда решил, что она просто нервничает. Сейчас уже не уверен.

Сьюзен записала это в блокнот. Информация могла оказаться бесполезной. А могла стать важной позже.

Таких деталей никогда нельзя было заранее оценить.

— Перед исчезновением она говорила что-нибудь необычное?

Лукас поднял голову.

На этот раз он ответил сразу.

— Да.

— Что именно?

Он несколько секунд смотрел ей прямо в глаза.

— Она сказала, что если с ней что-нибудь случится, искать нужно не среди незнакомцев.

Сьюзен почувствовала, как по спине пробежал холод. Почти те же слова она читала на флешке. Почти то же самое сейчас говорил свидетель. Слишком много людей указывали в одном направлении. Проблема заключалась только в том, что направление ещё не было доказательством. Она закрыла блокнот и посмотрела на Лукаса.

Разговор только начинался. Но уже сейчас она понимала одну простую вещь. Мия погибла не потому, что случайно оказалась не в том месте и не в то время. Мия погибла потому, что искала ответы. И, судя по всему, нашла их слишком близко.

После последних слов Лукаса разговор на некоторое время затих. Оба смотрели в окно. Озеро оставалось таким же спокойным, как и час назад, но теперь Сьюзен почти не замечала ни воды, ни лебедей, ни людей на набережной. В голове постепенно выстраивалась новая схема расследования. Она всегда делала это автоматически. Стоило появиться нескольким новым фактам, как сознание начинало искать между ними связи. Иногда это помогало. Иногда мешало. Сейчас она старалась быть осторожной. Слишком рано было превращать подозрения в уверенность. Однако некоторые вещи уже невозможно было игнорировать. Сначала письмо Мии. Затем содержимое флешки. Теперь слова Лукаса. Три независимых источника указывали на одного и того же человека. Вопрос заключался не в том, подозревать ли Ханса Келлера. Вопрос заключался в том, как это доказать.

Лукас наконец сделал первый глоток давно остывшего кофе и сразу поморщился. Казалось, он только сейчас вспомнил, что чашка вообще стоит перед ним. За всё время разговора его тревога никуда не исчезла. Наоборот. Чем больше он рассказывал, тем чаще оглядывался по сторонам. Сьюзен заметила это ещё в квартире, но теперь поведение молодого человека выглядело особенно заметным. Каждый раз, когда открывалась дверь кафе, он невольно поворачивал голову. Каждый раз, когда кто-то задерживался возле их столика, его плечи напрягались. Подобные реакции невозможно сыграть долго. Либо человек действительно чего-то боится, либо живёт в страхе уже настолько давно, что перестаёт замечать собственные привычки.

— Лукас, — спокойно сказала Сьюзен, — вы считаете, что вам может угрожать опасность?

Он посмотрел на неё так, будто вопрос застал его врасплох.

— Не знаю.

Это был честный ответ. Не уклончивый. Не осторожный.

— Но вы об этом думали?

Он отвёл взгляд.

— После исчезновения Мии... да.

Сьюзен ничего не сказала.

Она уже ожидала подобного ответа.

— Почему?

Лукас некоторое время молчал, подбирая слова.

— Потому что я знал, чем она занимается. Не всё, конечно. Но достаточно много. Иногда мне кажется, что я должен был остановить её раньше.

В его голосе впервые появилась вина.

Та тяжёлая разновидность вины, которую люди испытывают после чужой смерти, когда начинают бесконечно искать момент, в котором могли что-то изменить. Сьюзен видела подобное десятки раз. И знала, насколько разрушительным может быть это чувство.

— Вы не могли знать, чем всё закончится.

Лукас невесело усмехнулся.

— Наверное.

Однако по его лицу было видно, что сам он в это не верит.

За окном начинал накрапывать дождь. Небо над озером окончательно потемнело. Прохожих на набережной становилось всё меньше. Кафе постепенно пустело, и Сьюзен понимала, что разговор скоро придётся заканчивать. Но прежде чем уехать обратно в Цюрих, ей нужно было задать ещё один вопрос.

Возможно, самый важный.

Она открыла блокнот и посмотрела на Лукаса.

— Вы знаете, где сейчас находятся документы, которые нашла Мия?

Молодой человек замер. Всего на секунду. Но этой секунды оказалось достаточно. Сьюзен заметила всё. Взгляд. Напряжение в плечах. Слишком долгую паузу. Именно так выглядит человек, который знает больше, чем говорит. Лукас медленно опустил глаза на стол.

Ответ Лукаса изменил бы все расследование.

Глава 5. Старое дело

Архив находился в старом крыле управления, куда редко спускались сотрудники. Большинство следователей давно перешли на электронные базы данных, поэтому длинные ряды металлических стеллажей постепенно превратились в место, о котором вспоминали только в случае крайней необходимости. Здесь стояла особенная тишина. Не та тишина, которая бывает в пустом помещении, а другая — наполненная присутствием чужих историй.

Тысячи дел покоились на полках в одинаковых папках. Убийства, исчезновения, аварии, самоубийства, ограбления. Когда-то каждое из этих расследований было для кого-то главным событием жизни. Кто-то плакал в коридорах полиции, кто-то давал показания, кто-то ждал справедливости. Теперь всё это превратилось в несколько сотен страниц бумаги и архивный номер. Сьюзен всегда чувствовала странное уважение к таким местам. Архив напоминал ей, насколько быстро трагедии становятся прошлым. Мир продолжает двигаться вперёд независимо от того, получил человек ответы или нет.

Пожилый архивариус молча положил перед ней толстую папку и удалился между стеллажами. Сьюзен осталась одна за длинным деревянным столом. Несколько секунд она просто смотрела на потёртую обложку. Имя Мартина Келлера находилось сверху. Ниже значилось имя его жены Элизабет. Ещё ниже сухая официальная формулировка: «Дорожно-транспортное происшествие». Для большинства людей это была бы обычная архивная запись. Для Сьюзен эти несколько слов неожиданно приобрели совершенно иной смысл. Чем глубже она погружалась в расследование смерти Мии, тем чаще возвращалась мыслями к её родителям. Складывалось ощущение, будто история девушки началась задолго до её рождения и теперь медленно выходила наружу. Сначала флешка. Потом дневник. Затем разговор с Лукасом. Все дороги вели сюда — к старому делу, которое много лет считалось закрытым.

Открыв папку, она сразу обратила внимание на аккуратность оформления. Каждая страница находилась на своём месте. Все документы были подшиты идеально ровно. Фотографии распределены по датам. Экспертные заключения лежали в строгой последовательности. Обычно старые расследования выглядели иначе. Где-то отсутствовала подпись. Где-то терялся рапорт. Где-то показания свидетелей противоречили друг другу. Здесь всё выглядело почти образцово. Настолько образцово, что это начало вызывать раздражение.

За годы работы Сьюзен заметила одну закономерность: реальные расследования редко бывают идеальными. Настоящая жизнь оставляет после себя хаос. Люди забывают детали. Эксперты спорят. Свидетели ошибаются. Чем серьёзнее происшествие, тем больше возникает нестыковок. В материалах дела семьи Келлер всё выглядело так, будто события специально подогнали под единственную версию.

Она начала читать отчёты с самого начала. Согласно официальным материалам, автомобиль семьи двинулся по горной дороге в кантоне Берн поздним вечером. Погода была неблагоприятной. Шёл дождь. Покрытие дороги оставалось скользким. На одном из поворотов водитель потерял управление. Машина пробила защитное ограждение и сорвалась вниз по склону.

Эксперты установили неисправность тормозной системы. Следствие признало происшествие несчастным случаем.

Всё выглядело логично. Даже слишком логично. Пока Сьюзен листала страницы, её не покидало ощущение, что она читает не материалы расследования, а тщательно подготовленный отчёт, целью которого было подтвердить заранее известный вывод.

Она перешла к фотографиям места аварии. Именно фотографии чаще всего говорили больше, чем любые документы. Бумаги можно переписать. Формулировки можно изменить. Но объектив камеры обычно фиксирует реальность такой, какой она была. На первых снимках

автомобиль лежал далеко внизу среди камней и мокрой травы. Металл оказался смят настолько сильно, что машина больше напоминала бесформенную грудку обломков.

На других кадрах были видны сотрудники спасательных служб, дорожная полиция, следы торможения на асфальте. Сьюзен внимательно изучала каждую деталь. Несколько раз возвращалась к одним и тем же фотографиям. Затем начала сравнивать подписи под снимками с описаниями в отчётах. Внешне всё совпадало. Однако ощущение неправильности никуда не исчезало. Наоборот. С каждой новой страницей оно становилось сильнее.

Прошёл почти час, прежде чем она поняла причину собственного раздражения. В деле отсутствовали альтернативные версии. Совсем. Ни одного серьёзного обсуждения других вариантов. Ни одного подробного анализа возможного вмешательства третьих лиц. Ни одной попытки рассмотреть аварию как потенциальное преступление. Будто следователи с самого первого дня были абсолютно уверены в выводах. Это выглядело странно.

Любое серьёзное расследование начинается с вопросов. Здесь же вопросы практически отсутствовали. Были только ответы. Причём ответы появлялись подозрительно быстро. Сьюзен ещё раз открыла первые страницы дела и посмотрела на даты. Между аварией и окончательным закрытием расследования прошло удивительно мало времени. Намного меньше, чем она ожидала.

Она перевернула очередную страницу и впервые увидела фамилию следователя, который вёл дело. До этого момента её внимание было сосредоточено на материалах расследования, но теперь взгляд невольно задержался на подписи внизу документа. Имя показалось знакомым. Не потому, что она лично знала этого человека. Скорее потому, что когда-то уже встречала его в старых отчётах. Следователь обладал хорошей репутацией. За свою карьеру он раскрыл множество сложных дел и считался одним из лучших специалистов своего времени. Именно поэтому новая мысль показалась Сьюзен особенно неприятной. Если даже такой человек участвовал в расследовании, которое выглядит слишком чистым, значит проблема может оказаться гораздо глубже, чем она предполагала.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела на ряды архивных шкафов, уходящих в полумрак помещения. Впервые за всё время расследования ей пришло в голову, что Ханс Келлер мог быть не единственным человеком, заинтересованным в молчании. Иногда секреты живут так долго не потому, что их хорошо прячут. Иногда секреты живут долго потому, что слишком многие люди получают выгоду от того, что они остаются секретами.

Сьюзен ещё раз просмотрела опись материалов дела. Затем вернулась к началу папки и начала читать всё заново, уже медленнее.

За годы работы она выработала правило: если что-то кажется неправильным, значит нужно возвращаться к самым очевидным вещам. Ошибки редко прячутся в сложных схемах. Обычно они лежат на поверхности, просто человеческий мозг привыкает смотреть мимо них. Прошло около получаса, прежде чем она окончательно убедилась, что не ошиблась. Документ действительно отсутствовал. Более того, несколько ссылок внутри дела указывали на результаты дополнительной технической проверки автомобиля, однако самого заключения нигде не было. Подобное выглядело странно уже само по себе, но ещё больше её насторожило другое. Никто не пытался объяснить исчезновение документа. Не было служебной записки. Не было отметки о переносе материалов в отдельный том. Не было вообще ничего. Будто проверка одновременно существовала и не существовала. Для рядового сотрудника это могло показаться мелочью.

Для следователя подобные мелочи нередко становились началом серьёзных открытий.

Она закрыла глаза и попыталась представить ситуацию такой, какой она была много лет назад. Ночь. Горная дорога. Разбитая машина внизу склона. Погибшая супружеская пара. Полицейские. Эксперты. Следователи. Где-то среди них находился человек, который решил запросить дополнительную техническую проверку. Уже сам этот факт говорил о многом. Зна-

чит, кого-то что-то насторожило. Никто не тратит время и деньги на лишние экспертизы без причины. Особенно в деле, которое выглядит как обычная авария. Следовательно, существовала деталь, заставившая усомниться в первоначальной версии. Но если такая деталь действительно была, почему в окончательных выводах о ней почти ничего не говорится? И почему спустя столько лет от результатов проверки остались лишь косвенные упоминания?

Мысли снова вернулись к Мии. Чем дольше Сьюзен сидела в архиве, тем сильнее ощущала незримое присутствие девушки среди этих старых документов. Мия потратила месяцы, а возможно и годы, пытаясь разобраться в обстоятельствах смерти родителей. Вероятно, она перелистывала те же страницы, читала те же заключения, изучала те же фотографии. Возможно, именно здесь она впервые заметила несоответствие. Возможно, именно отсюда началась цепочка событий, которая в конечном итоге привела её к собственной гибели. От этой мысли становилось не по себе. Иногда расследование напоминает движение по следам другого человека. Ты идёшь той же дорогой и постепенно начинаешь видеть то, что видел он. В такие моменты особенно остро возникает вопрос: если этот человек приблизился к опасной правде и был убит, насколько безопасно самому продолжать поиски?

Сьюзен посмотрела на фотографию разбитого автомобиля ещё раз. На снимке всё выглядело окончательно и безнадежно. Груда искорёженного металла среди камней. Официальное следствие увидело в этой картине несчастный случай. Но теперь она всё чаще задавалась вопросом: а что увидел тот следователь, который потребовал дополнительную экспертизу? Что именно заставило его усомниться? И почему спустя столько лет ответ на этот вопрос по-прежнему скрывается где-то между страницами старого дела?

Мысли Сьюзен все были наполнены этим делом. Идеальность дела родителей Мии сводили ее с ума.

Она перевернула ещё несколько страниц и неожиданно наткнулась на фотографии, которые раньше пропустила. Снимки были сделаны уже после того, как автомобиль подняли из ущелья.

Машина стояла на специальной площадке для технического осмотра. Несколько кадров показывали повреждённую переднюю часть кузова, другие — салон. На первый взгляд ничего необычного. Однако Сьюзен всё равно начала внимательно изучать каждую фотографию. Иногда полезно смотреть на вещи не для того, чтобы что-то найти, а для того, чтобы понять, что именно пытались показать предыдущие следователи. Камера никогда не снимает всё подряд. Кто-то выбирает ракурс. Кто-то решает, какие детали заслуживают внимания.

Она задержалась на одном из снимков дольше остальных. На фотографии был виден руль автомобиля и приборная панель. Изображение оказалось не слишком чётким, но этого хватило, чтобы заметить странность. Повреждения салона были сфотографированы только с одной стороны. Сьюзен пролистала остальные материалы, надеясь найти продолжение серии, однако других снимков не оказалось.

Это не было доказательством чего-либо. Возможно, фотограф просто посчитал дополнительные кадры ненужными. Но за сегодняшний день она уже слишком много раз сталкивалась со словом «возможно». Каждый раз, когда дело приближалось к чему-то важному, информация внезапно заканчивалась.

Она посмотрела на часы и с удивлением обнаружила, что провела в архиве почти весь день. За окнами давно стемнело. Свет настольной лампы освещал только папку и блокнот, оставляя остальное помещение в полумраке. Ряды стеллажей уходили в темноту, словно бесконечный лабиринт. На мгновение Сьюзен представила, сколько забытых историй скрывается вокруг неё. Сколько людей когда-то были уверены, что правда обязательно всплывёт наружу. И сколько дел так и остались лежать здесь, покрываясь пылью год за годом. От этой мысли стало неуютно. Она не любила проигрывать. Особенно не любила проигрывать времени.

Закрыв папку, Сьюзен собрала записи и ещё раз посмотрела на фамилию старого следователя. Всё больше ей казалось, что именно этот человек является недостающим звеном между прошлым и настоящим. Если кто-то и заметил странности в деле семьи Келлер, то именно он. Более того, запрос на дополнительную техническую проверку подтверждал, что сомнения у него были. Возможно, позже его убедили отказаться от подозрений. Возможно, он сам решил, что ошибся. А возможно, произошло нечто совсем другое. Сьюзен слишком долго работала в полиции, чтобы верить в идеальную работу системы. Люди ошибаются. Люди боятся. Люди иногда предпочитают закрыть глаза на неудобные факты, если цена правды оказывается слишком высокой.

Уже поднимаясь из-за стола, она снова вспомнила слова Лукаса. «Она была уверена, что родители умерли не случайно». Тогда эта фраза показалась одной из многих. Теперь она звучала иначе. Теперь за ней стояли конкретные документы, странные пробелы в расследовании и исчезнувшая экспертиза. Возможно, Мия нашла ещё что-то. Что-то, чего пока не нашла сама Сьюзен. И если это так, то девушка погибла не из-за своих подозрений. Она погибла потому, что приблизилась к ответу. Эта мысль сопровождала Сьюзен всю дорогу к выходу из архива. А когда тяжёлая дверь за её спиной закрылась, она уже знала, что завтра отправится к старому следователю. Потому что иногда одно воспоминание живого человека стоит больше, чем тысяча страниц официальных документов.

Сьюзен пролиставала дело до самого его конца, и ее взгляд упал на следователя этого дела. Вернер Бауманн.

Глава 6. Встреча с прошлым

Городок, в котором жил Вернер Бауманн, находился в нескольких часах езды от Цюриха. Чем дальше Сьюзен удалялась от крупных трасс, тем уже становились дороги. Постепенно исчезали современные офисные здания, шумные перекрёстки и плотный поток машин. Им на смену приходили небольшие деревни, старые каменные дома и бесконечные зелёные склоны, уходящие к подножию Альп. Обычно подобные места нравились Сьюзен. Здесь было спокойно. Всё казалось проще и понятнее. Но сегодня она почти не обращала внимания на пейзаж за окном. Мысли постоянно возвращались к архивному делу.

С момента посещения архива прошло уже два дня. За это время она успела перечитать свои записи несколько раз и так и не смогла избавиться от ощущения, что смотрела на расследование, в котором кто-то сознательно убрал часть картины. Не всю картину. Только небольшой фрагмент. Достаточный для того, чтобы итоговый вывод выглядел правильным. Именно такие вещи всегда настораживали её сильнее всего. Большая ложь обычно заметна сразу. Настоящую опасность представляют маленькие изменения, которые почти невозможно увидеть.

Навигатор сообщил о прибытии, когда дорога вывела её на окраину небольшого горного городка. Здесь было тихо настолько, что шум двигателя казался лишним. Несколько домов стояли вдоль единственной улицы. У продуктового магазина разговаривали двое пожилых мужчин. Возле церкви пустовала парковка. За крышами домов поднимались заснеженные вершины гор.

Сьюзен припарковалась возле двухэтажного дома с тёмной черепичной крышей и ещё раз посмотрела на адрес в блокноте.

Совпадало.

Дом выглядел старым, но ухоженным. Небольшой сад. Аккуратно подстриженные кусты. Дрова, сложенные под навесом. Человек, живущий здесь, явно любил порядок. Эта мысль почему-то показалась ей важной.

Дом Вернера Бауманна стоял почти на окраине городка. За ним начинался лес. Ещё дальше поднимались горы. На первый взгляд в доме не было ничего примечательного. Два этажа. Тёмная черепичная крыша. Светлые стены, потемневшие от времени. Но чем дальше Сьюзен смотрела на него, тем сильнее ей казалось, что он очень похож на своего владельца.

Кусты возле дорожки были подстрижены с почти военной точностью. Дрова под навесом лежали ровными рядами. Даже старый садовый шланг оказался свёрнут так тщательно, словно его проверяли перед инспекцией. При этом дом нельзя было назвать ухоженным в привычном смысле слова. Краска на перилах местами облупилась. Один ставень слегка перекосялся. На каменной дорожке пробивалась трава. Создавалось впечатление, что хозяин заботится только о том, что считает действительно важным, а всё остальное его давно перестало интересовать.

Сьюзен заглушила двигатель и некоторое время сидела в машине. Ветер шевелил ветви деревьев. Где-то вдалеке звонили церковные колокола. В подобных местах время будто двигалось медленнее. Она достала из сумки блокнот и ещё раз посмотрела на имя, записанное на первой странице.

Вернер Бауманн.

За последние дни она видела эту фамилию десятки раз. Подписи под рапортами. Запросы экспертиз. Протоколы осмотра места происшествия. Всё расследование смерти родителей Мии проходило через его руки. Если кто-то и мог рассказать, что произошло тогда на самом деле, то только он.

Поднявшись по дорожке, Сьюзен нажала на звонок.

Ответа не последовало.

Она уже собиралась позвонить снова, когда внутри дома послышались шаги.

Медленные. Тяжёлые. Человек двигался без спешки. Словно заранее знал, что гость никуда не денется. Через несколько секунд щёлкнул замок. Дверь открылась. Вернер Бауманн оказался именно таким, каким она его представляла. Высокий. Худой и седой.

Возраст заметно изменил его лицо, но не взгляд. Глаза оставались внимательными и настороженными. Такие глаза бывают у людей, которые слишком долго работали следователями. Они автоматически замечают детали. Запоминают мелочи. Оценивают собеседника раньше, чем начинается разговор.

Несколько секунд Бауманн молча изучал её.

Потом перевёл взгляд на удостоверение.

— Чем могу помочь?

Голос был низким и немного хриплым.

— Сьюзен Брукхардт. Полиция Цюриха.

Никакой реакции не последовало. Только короткий кивок.

— Мне нужно поговорить с вами о деле семьи Келлер.

Вот тогда реакция появилась. Почти незаметная. Но Сьюзен увидела её сразу. Бауманн отвёл взгляд в сторону. Туда, где за крышами домов возвышались горы. Потом медленно выдохнул. Будто услышал имя человека, которого надеялся больше никогда не вспоминать.

— Прошло много лет.

— Я знаю.

— И всё равно приехали.

— Да.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Наконец старик сделал шаг назад.

— Заходите.

Внутри дом оказался гораздо интереснее, чем снаружи.

Первое, что заметила Сьюзен, — книги. Они были повсюду. На полках вдоль стен, подоконниках, небольших столиков. Некоторые лежали стопками прямо на полу.

Старые детективы, юридические справочники, исторические исследования, потрёпанные романы. Дом человека, который привык проводить много времени в одиночестве.

Второе, что она заметила, — фотографии.

Их было немного.

Настолько немного, что это сразу бросалось в глаза.

Несколько старых снимков в рамках стояли на каминной полке. Молодой Бауманн в полицейской форме. Группа сотрудников возле служебной машины. Женщина, улыбающаяся в объектив где-то на берегу озера. Больше никого. Словно большая часть жизни хозяина дома осталась за кадром.

Бауманн провёл её в гостиную.

Большое окно выходило на горы. Возле стены стоял старый книжный шкаф. На столике лежала раскрытая книга и очки. Рядом находилась бутылка красного вина с наполовину пустым бокалом.

Жилой дом.

Но почему-то Сьюзен показалось, что здесь слишком много прошлого и слишком мало настоящего.

Бауманн жестом указал на кресло возле окна. Сам он сел напротив и некоторое время молчал. В комнате слышалось только негромкое тиканье старых часов. Сьюзен поставила сумку возле кресла и внимательно посмотрела на бывшего следователя. Сейчас, находясь рядом с ним, она понимала, почему эта фамилия так часто всплывала в архивных документах.

Бауманн производил впечатление человека, который привык думать прежде, чем говорить. И привык отвечать только на те вопросы, на которые действительно хотел ответить.

Некоторое время никто не нарушал тишину. Казалось, старик специально заставляет её ждать. Проверяет терпение. Возможно, оценивает, насколько серьёзно она настроена. Сюзен не торопилась. За годы работы она усвоила простую истину: люди сами заполняют паузы, если дать им достаточно времени.

Наконец Бауманн взял со стола бокал и сделал небольшой глоток вина.

— Значит, Келлеры снова всплыли.

Это прозвучало скорее как утверждение, чем вопрос.

— Вы знали, что Мия погибла?

Старик кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.